
УДК 821.161.1

Мионов Никита Михайлович,
МГУ им. Н. П. Огарёва (Саранск);
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Email: nikitamironov428@gmail.com

Мифологические и фольклорные истоки образа вампира в прозе Серебряного века¹

Статья посвящена осмыслению генетических истоков образа вампира. Установлено, что образ вампира функционирует в ключевых мифологических системах; важнейшими и наиболее частотными признаками этого образа, помимо жажды крови, являются следующие: древними вампирами чаще всего выступают представительницы женского пола или образы с женскими чертами, при этом в ходе взаимодействия жертвы и вампира нередко заметно проявление элемента эротизма: существо в образе красивой женщины соблазняет молодого человека, а после выпивает его кровь.

Ключевые слова: Серебряный века, Е. Блаватская, образ вампира, феномен вампиризма, мифология, фольклор.

Mythological and folklore origins of the vampire image in Silver Age prose

Mironov Nikita Mikhailovich,
National Research Ogarev Mordovia State
University (Saransk);
Russian Christian Academy for Humanities named
after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg)
Email: nikitamironov428@gmail.com

The article explores the genetic origins of the vampire image. It is established that the vampire image functions in key mythological systems; the most important and frequent characteristics of this image, besides bloodlust, are the following: ancient vampires are most often female or possess feminine traits, and during the interaction between victim and vampire, an element of eroticism is often noticeable: a creature in the guise of a beautiful woman seduces a young man and then drinks his blood.

Keywords: Silver Age, E. Blavatsky, vampire image, vampirism phenomenon, mythology, folklore.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Образ вампира обрел особую популярность на рубеже XIX–XX вв. не только в литературе, но в последствие и в кинематографе, не без влияния, заметим, копполовской романтической интерпретации сюжета Б. Стокера, стал часто эксплуатироваться современной массовой литературой (от Э. Райс, Ст. Майер, Дж. Стикли, Дж. Кристоффа до отечественного фэнтези и mash-up), что небезосновательно позволяет исследователям говорить о существовании в литературе особой «вампирической парадигмы» [1]. Вампиры теперь «включены неотъемлемой частью в круговорот нашей цивилизации. Их стало много, у них появились лидеры, своя общественная структура, законы, выстроившие их отношения друг с другом — и с остальным человечеством» [19].

Справедливости ради подчеркнем, что образ вампира спорадически исследовался литературоведами на материале прежде всего европейской и американской прозы [1; 11; 13; 20], тогда как его генетические истоки в традициях мифологических и фольклорных (не только западных, но и восточных) остаются практически не изученными, за исключением, пожалуй, работы М. Саммерса [21]. Тем не менее, образ вампира является достаточно древним, фигурирующим во многих мифологических системах различных народов. Этот тезис подтверждается и многочисленными упоминаниями «реальных» случаев вампиризма, к анализу которых, несомненно, нужно подходить с осторожностью, учитывая время появления подобных сообщений и достоверность источников. Необъективными в таком случае представляются высказывания некоторых исследователей (например, настоятеля Сенонского аббатства Огюстена Кальме), в которых отрицается присутствие сведений о вампирах в мифологических системах античности и в египетской и еврейской мифологиях [25, с. 27], тогда как упоминания о существах, поедающих человеческую плоть и /или высасывающих кровь, обнаруживаются еще в древних традициях: в шумерских и индуистских верованиях.

В связи с этим актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления места и роли фигуры вампира в мифологических представлениях народов мира, черты которого нашли свое отражение в прозе не только западноевропейских писателей рубежа XIX–XX вв., но и русских авторов Серебряного века, особенно учитывая очевидное пристрастие его творцов к созданию «новой мифологии», ориентации на фольклорные (прежде всего народную демонологию) и мифологические традиции: достаточно вспомнить прозу А. Ремизова, В. Брюсова, Ф. Зелинского, А. Кондратьева и др.; «киммерийство» М. Волшина, «скифство» поэтов-символистов («Скиф пляшет» Вяч. Иванова, «Скифы» К. Бальмонта, В. Брюсова и А. Блока, «Скифские суровые дали» Ф. Сологуба и др.) [см. об этом: 5, 6 и др.].

Для понимания истоков появления фигуры вампира необходимо обратиться к древним мифологическим системам. Так, среди аккадских

демонов определенными чертами вампира обладала Ламашту: исследователи указывают на то, что она не только крадала детей и насылала на людей различные болезни, но и нередко выпивала кровь похищенных младенцев [29, р. 40]. Следует отметить, что образ Ламашту не был полностью антропонимическим: она изображалась женщиной с головой льва, кормящей грудью свинью и собаку [17, с. 36]. Определенный круг источников относит к вампирическим существам также некоторых богинь аккадского и египетского пантеона, в частности, Исиду и Иштар [25, с. 64]. Более подробное рассмотрение этих образов не позволяет согласиться с подобной точкой зрения, что станет понятнее впоследствии, поскольку настоящее исследование древних вампиров по представлениям (индусским, еврейским, греческим) других народов определит ряд вампирических признаков, которые никак не могут быть соотнесены с образами упомянутых богинь. Например, Исида и Иштар так или иначе выступают покровительницами матерей и детей, не крадут и /или убивают их, а воплощают проявление супружеской любви или платонических свободных отношений [15, с. 254, 260], причем Исида нередко выступает также богиней плодородия, «творцом урожаев, создателем плодов, овощей разного рода трав и деревьев» [2, с. 77] и охранительницей умерших, а Иштар соединяет в себе две противоположные крайности — является богиней любви и войны. Кроме того, обращение к письменным источникам, непосредственно описывающим деяния и жизнь богов, позволяет подтвердить отсутствие вампирических черт у Икиды. Так, последователи ее культа провозглашали «проповедь надежды и счастья» [2, с. 77], что в корне расходится с идеей и сущностью вампирического образа. В самих сказаниях Исида предстает защитницей и спасительницей: она избавляет бога Ра от укуса ядовитой змеи (которую, однако, Исида, в чьих «устах дыхание жизни» [14, с. 166], сама создает и насыляет), когда узнает настоящее имя Ра. В ее действиях нет соотнесенности с процессом высасывания у Ра крови, а нейтрализация яда происходит только с помощью слов и чар: «Уходи, яд, выйди из Ра. Пусть Око Хора, выходящее из бога, засияет золотом на его устах. Я делаю так, чтобы яд упал на землю, ибо он побежден» [14, с. 168]. Подобным же способом Исида впоследствии будет удалять яд из ребенка чужой женщины, но никак не выпивать его кровь или пожирать его плоть как вампиры-женщины у других народов: «И Исида, чтобы оживить задыхающегося ребенка, возложила свои руки на него: “Уйди, яд Тефена, сойди на землю, не продвигайся далее, не проникай”» [14, с. 171].

Как отмечает исследовательница оккультных практик Е. П. Блаватская, индусы твердо верили в существование вампиров [3, с. 611]. И здесь примечателен немаловажный историко-культурный штрих: труды Е. Блаватской были крайне популярны среди творцов мифологического дискурса Серебряного века. Так, Н. Рерих придерживался точки зрения

Е. Блаватской о семеричной структуре человеческой личности и о духовных законах, которым подчиняется сознательная жизнь человека; её «концепция семи коренных рас», второй из которых была «гиперборейская», населявшая Гиперборею, располагавшуюся возле Северного полюса, воплощена в творчестве Вяч. Иванова, К. Бальмонта, В. Брюсова; наконец, учение Е. Блаватской о семичленной структуре человеческого существа, почерпнутого из индуизма, оказало влияние на русских символистов, прежде всего на Андрея Белого.

Возвращаясь к индийской мифологии, отметим, что в ней злобными духами, нападающими на людей, поедающими их мясо и выпивающими кровь, считались пищачи, которые рассматриваются в следующих аспектах: в качестве проклятых душ; как сущности, сотворенные «Брахмой из своего гнева» [17, с. 317], или же оборотни, составляющие свиту «мучителей» (праматов) грозной разрушительной ипостаси Шивы [13, с. 206]; как «демоны племени гномов, великаны-вампиры» [6, с. 142]; как враги людей, насылающие на них болезни и питающиеся их кровью [13, с. 197]; имеющие историческую основу представители чуждых племен аборигенов [17, с. 316–317]. Справедливость отнесения пищачей к существам с вампирическими чертами подтверждается индийскими сказками («Топор, Барабан, Чаша и Алмаз»).

Кроме того, в индийской мифологической системе, кроме пищачей, вампирическими чертами, как пишет Е. П. Блаватская, обладает Баитал Начиси — «индусский вампир народной фантазии, который живет в мертвых телах и питается только гниением материи» [6, с. 803]. Представление общей картины образа вампира в мифологии многочисленных народов, населяющих регионы Индии, осложнено разнообразными вариантами тех или иных сказаний. Герои и фантастические существа в них могут косвенно или напрямую обладать вампирическими чертами по воззрениям данной общности, однако у другой — такие признаки вовсе могут не выделяться. Кроме того, ряд исследователей, например, Б. Каррен, связывает образ вампира, фигурирующий в индусской мифологии, в большей степени с женскими образами, чем с мужскими, выделяя таких представителей, как: «чурелы», «писакасы», «дже(а)ялы» [10, с. 186–190]. Все эти демоны, ракшасы тем или иным образом, как указывается, пьют кровь и / или нередко пожирают человеческую плоть. Несмотря на то, что в ряде источников вампиром, наряду с другими древними богинями или женскими духами (рассмотренными выше Исидой, Иштар и др.), называется и Кали [25, с. 65], отнесение этой ипостаси индийской богини Парвати к исследуемому образу вызывает ряд сложностей по причине наличия нескольких вариантов сказаний о битвах Кали с разными злобными существами, асурами. Так, в ряде источников Кали-воительница создается другими богами (причем единого варианта ее «рождения» также нет) для уничтожения демона-

буйвола Махиши. В ходе сражения Кали вскакивает на врага и пронзает его копьем [16, с. 236]. Победа над демоном-буйволом, в свою очередь, понимается как подавление эго и самоутверждение. Согласно другим сказаниям, Кали также сражается с асурами, на этот раз с братьями Шумбхой и Нишумбхой, покорившими небожителей. В ходе битвы с Кали Шумбха, проигрывая, призывает на помощь полководца Рактавиджу. Именно в сражении с последним Кали выпивает его кровь, чтобы прекратить появление новых асуров, встающих на поле боя из каждой капли пролитой полководцем крови [26, с. 275–276].

Тем не менее, существует версия, описывающая победу над Рактавиджой / Рактавиной более подробно: Кали не просто подняла поверженного полководца на копье вверх, но и «пила его кровь по мере того, как она изливалась из раны» [24, с. 110], а затем проглотила его самого [23, с. 148]. Примечательно, что в ряде источников Кали не просто обескровливает Рактавиджу, но и при борьбе с демонами успевает пить их кровь, а затем пожирать их тела [16, с. 236]. Хотя культ «кровавых» человеческих жертвоприношений, распространенный в Бенгалии, Калькутте, «чуждый ортодоксальному индуизму» [15, с. 269], может служить основанием для понимания Кали как существа, выпивающего кровь людей в ходе ритуала, прямых свидетельств ее вампиризма в источниках не наблюдается (кроме вышеупомянутого эпизода с Рактавиджой). Некоторые же из исследователей, описывая внешность богини, выделяют ряд признаков, по которым Кали можно идентифицировать как вампира: свидетельствующие о ее кровожадности отрубленные головы в руках и язык, высовывающийся из пасти, обгаренный кровью жертв [18, с. 282], или покрытые кровью лицо и грудь от поедания человеческой плоти, приносимой, как указывает Б. Каррен, ракшасами [10, с. 195].

Кроме того, в религиозных текстах шактизма, последователи которого признают женскую энергию, в отличие от мужской, главной, изначальной, — Девы за счет принятия человеческой плоти «насыщаются» на определенное время, что позволяет отсрочить конец света и приход новой эпохи — юги. Например, в «Калика-пуране» Шива следующим образом определяет правила жертвоприношения: «На одну тысячу лет Богиня принесением в жертву человека, / Совершенным в соответствии с предписаниями, достигает насыщения, и на сто тысяч лет — / [принесением в жертву] троих людей. / На три тысячи лет [подношением] человеческой плоти / Удовлетворяется Камакхья Бхайрави, принимающая мой образ. / Очищенная мантрами кровь обращается в нектар; / И голову, и плоть [жертвы] принимает Благая» [12, с. 325]. Все это позволяет судить об отсутствии разработанности критериев, относимых к вампирскому образу в индийской мифологии, в частности, к образу богини Кали.

В античной мифологической традиции образ вампира также находит свое воплощение. Показательно, что, в основном, общие черты с ним имеют существа женского пола, а не мужского. Кроме того, они так или иначе будут связаны с фигурой богини Луны Гекаты, связанной с привидениями и покровительствующей колдунам [22, с. 124]. В греческих сказаниях одной из таковых выступает Ламия, чьих детей из ревности к своему мужу Зевсу убивает Гера. Ламия после этого превращается в монстра (или фантома), приносящего вред младенцам других рожениц: она, подобно Ламашту, похищает и умерщвляет детей, пожирает их плоть [28, р. 713]. Впоследствии образ Ламии утрачивает персонифицированные черты, и персонажей легенд со схожим функциональным набором начинают называть ламиями, подобно гарпиям, мойрам и др., но схожести между обозначенными образами, как общеизвестно, нет. Ламиями также считали и ночные привидения, которые охотились за молодыми людьми и выпивали их кровь [15, с. 305], затем же, насладившись их энергией и молодостью, пожирали [28, р. 713]. Другим женским существом, входящим в «триаду», связанную с Гекатой, являлась Эмпуса, которая воспринималась и как привидение, «многоликое и изменчивое» [22, с. 656], чье лицо «пылает жаром» [15, с. 616], и как чудовище, оборачивающееся по желанию в животное с ослиными копытами или бронзовыми башмаками, жаждущее человеческого мяса, и как прекрасная девушка. С образом последней и связана вампирическая сторона Эмпусы — она, как и Ламия, завлекала юношей, душила их [7, с. 475] и выпивала их кровь «как вампир» [27, р. 14]. С Ламией Эмпусу связывает и то, что впоследствии персональные черты стираются, на первый план выдвигаются основные функции (завлечение и высасывание жизненных сил и / или крови), и эмпусы воспринимаются как персонажи мифологии, наносящие вред людям. Общность черты между обозначенными выше существами в греческой традиции находит Б. Каррен, упоминая при этом и Лилит, чей функциональный набор может быть соотнесен с действиями ламий и эмпус [10, с. 275].

В римской мифологической традиции образ ламий находит продолжение и развитие. Известные как стриги / стриксы, чаще всего изображавшиеся в качестве крылатых существ, эти ведьмы могли нападать на детей ночью и похищать их [16, с. 503], а также выпивать кровь мужчин, причем с последними стриги нередко совершали половой акт [9, с. 553].

Итак, образ вампира функционирует в ключевых мифологических системах мира и находит своё воплощение в культуре Серебряного века (от теософского учения Е. Блаватской до неомифологической прозы символистов). Несмотря на отсутствие общей разработанности критериев его определения, выделим ряд наиболее частотных из них. В первую очередь, это жажда крови и / или жизненных сил человека (ламии). Во-вторых, древними вампирами чаще всего выступают представительницы женского пола или образы с женскими чертами (однако, по индуистским

верованиям, таковыми в большей степени были великаны пишачи, отнесение богини Кали к вампирам осложнено многочисленными вариантами сказаний с ней), при этом в ходе взаимодействия жертвы и вампира нередко заметно проявление элемента эротизма: существо в образе красивой женщины соблазняет молодого человека, а после выпивает его кровь (Эмпуса). В-третьих, женщины-вампиры в основном тяготеют к умерщвлению или похищению детей (Ламашту). Наконец, по происхождению мифологические вампиры чаще всего являются не людьми или представителями нечистой силы, но имеют божественное начало.

Литература

1. Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах. СПб.: Азбука, 2007. С. 26–49.
2. Бадж Э. У. Легенды о египетских богах. М.: Рефл-бук, 1997. 304 с.
3. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изиды: в 2 кн. М.: АСТ, 2003. Кн. 1. 832 с.
4. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изиды: в 2 кн. М.: АСТ, 2002. Кн. 2. 836 с.
5. Богданова О. В. Поэма А. Блока «Двенадцать» (мистико-поэтическая философия). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 72 с.
6. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 300 с.
7. Большой мифологический словарь / сост. А. Черницкий. М.: Гелеос, 2008. 496 с.
8. Гопман В. Носферату: судьба мифа // Стокер Б. Дракула. М.: Эксмо, 2005. С. 553–557.
9. Гулли Р. Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. М.: Вече, 1998. 672 с.
10. Каррен Б. Вампиры. М.: Эксмо, 2009. 288 с.
11. Ковальская А. С. Генезис образа вампира в европейской прозе // Science Time. 2021. № 9 (93). С. 5–9.
12. Калика-пурана / пер. и сост. А. Игнатъев. М.: Касталия, 2017. 436 с.
13. Лидова Н. Р. Демон и демоническое в древнеиндийской мифологии // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 195–213.
14. Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М.: Искусство, 1983. 223 с.
15. Мифологический словарь / ред. Е. М. Мелетинский, С. С. Аверинцев и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
16. Мифологический словарь / сост. И. Н. Лосева, Н. С. Капустин, О. Т. Кирсанова и др. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с.

17. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. К–Я. 719 с.
18. *Немировский А. И.* Мифы древности: Индия. Научно-художественная энциклопедия. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
19. *Одесский М. П.* Явление вампира // *Стокер Б.* Дракула. М.: Эксмо, 2015. С. 3–31.
20. *Осьмухина О. Ю., Танасейчук А. Б.* Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак оперы» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 1. С. 76–84.
21. *Саммерс М.* Вампиры в верованиях и легендах. М., 2010. 352 с.
22. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. М., 1989. 704 с.
23. Словарь мифов / под ред. П. Бентли. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 432 с.
24. *Томас П.* Легенды, мифы и эпос древней Индии. СПб., 2000. 352 с.
25. Трактат по вампирологии доктора Абрахама Ван Хельсинга, доктора медицины, доктора философии, доктора филологии и проч. С добавлением других древних, редких и драгоценных трактатов на эту тему / сост. и ред. Э. Бразе. М.: Книжный клуб, 2012. 480 с.
26. *Эрман В., Темкин Э.* Мифы Древней Индии. М.: Эксмо, 2023. 352 с.
27. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. In Three Volumes. Vol. 1 / ed. by W. Smith. Boston: Little, Brown & Co, 1867. 1103 p.
28. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. In Three Volumes / ed. by W. Smith. Boston: Little, Brown & Co, 1867. Vol. 2. 1225 p.
29. *Hurwitz S.* Lilith, the First Eve: Historical and Psychological Aspects of the Dark Feminine. Einsiedeln, Switzerland: Daimon Verlag Publ., 1992. 272 p.